

Канун Нового года пришёл в атмосфере радости: уже с конца часа Чоу по городу трещали хлопушки, раздавался чистый детский смех и весёлые голоса мужчин и женщин, занятых праздничными приготовлениями.

Цинь Хэ провалялся в постели до часа Мао, но дальше уже не смог, сегодня управляющий из дома фуиня собирался прийти на час раньше обычного, и Цинь Хэ придется встать и делать молочные таблетки.

— Поспи ещё немного, — сказал Куй У. — Раз уж управляющий сегодня придет рано, у тебя есть ещё целый час.

Обычно они вставали к часу Чэнь.

В глазах Куй У уже не было сна; он отпустил ладонь, которой обнимал своего супруга, и, не желая отпускать, поцеловал его в щёку.

— Полежи, — сказал он. — Я пойду разожгу огонь. Когда на кухне станет тепло, тогда и вставай, а то холодно.

С этими словами Куй У уже натянул одежду, обернулся и поправил края одеяла, укутав Цинь Хэ плотнее, до полной непроницаемости.

Цинь Хэ, устроившись в тёплом коконе, лениво прищурился:

— Сегодня канун Нового года. Ты устрой слугу из поместья фуиня в главной комнате. Сладостей, семечек и бобов не жалея, всё ведь своё. В праздник не то что в обычный день, надо, чтобы человек поел вдоволь.

— Угу, знаю. Подремли ещё немного.

Куй У поднялся и, как велел Цинь Хэ, занялся слугой из дома фуиня, а сам разжёл огонь, добавил воды и поставил молоко нагреваться.

— Брат... — как только молоко закипело, проснувшаяся от звука сестра Куй вылезла из постели. В эти дни в доме Куй было не продохнуть от дел, и она всё время оставалась здесь помогать. — А где невестка?

— Сегодня он встал рано, я велел ему ещё поспать.

— А-а... — сестра Куй зевнула и принялась хлопотать по дому.

Когда Цинь Хэ поднялся, Куй У уже успел сделать молочные таблетки, и слуга фуиня ушел.

Цинь Хэ упаковал заранее приготовленные десять цзиней конфет и десять цзиней молочных таблеток:

— Сестра, возьми всё это и иди домой. Мы с твоим братом немного приберёмся и придём к вам днём.

Раньше они уже договорились с матерью Куй: конфет покупать не нужно, у них дома всё своё, незачем тратиться. Просто в последние дни в доме стояла такая запарка, что никак не удавалось передать заготовленное.

— Хорошо, — откликнулась сестра Куй, взяла свёртки и отправилась к дому, но и четверти часа не прошло, как она снова впорхнула обратно.

Сестра Куй радостно сообщила:

— Мама сказала, что вы тут эти дни совсем без передышки, и велела мне прийти помочь прибраться.

Цинь Хэ отнекиваться не стал и оставил её. Домашние дела сестра Куй делала постоянно, так что справлялась куда быстрее и ловчее его самого. Он поручил ей вместе с Куй У прибрать комнаты, а сам ушёл на кухню готовить завтрак.

Что уж говорить, Цинь Хэ немного жалел, что новогодний ужин они не смогут есть у себя дома. Но всё-таки это родительский дом Куй У, и между ними не было никаких разногласий, не пойти на семейный ужин в такой день было бы совсем некрасиво. Поэтому он решил «компенсировать» это завтраком и обедом. Дел сегодня всё равно не оставалось, так почему бы не посвятить день готовке.

В их семье не существовало такого понятия, как «слишком жирный завтрак» или «от тяжёлой еды аппетита нет». Цинь Хэ потому и развернулся вовсю - готовил, не жалея ни сил, ни продуктов. В спальне он развёл огонь, поставил треножник-ли для варки бульона из бараньих костей и всыпал туда нарезанные бараньи потрошки. Раз уж огонь стоит прямо в спальне - и варка идёт, и комната прогревается, так что Куй У и его сестра могли спокойно убираться, не мёрзнув.

Затем Цинь Хэ вернулся на кухню: замесил тесто для рисовой лапши, но варить не стал, подождал, пока приготовится бульон. Рисовая лапша, сваренная в таком бульоне, получалась особенно вкусной.

Затем он зарезал живую утку: из свежей крови приготовил лапшу с утиной кровью, утиное мясо обжарил на сильном огне, сделав жареную утку по-сычуаньски. Потом он потушил рыбу в

красном соусе, приготовил свинину гобао жоу, и ещё одно овощное блюдо.

— Вкусно! — сестра Куй ела так, что у неё весь рот блестел от масла. — Невестка, у вас дома такое угощение! А у нас мама мясное только к вечеру готовит. Я когда уходила, у них тоже завтрак был получше обычного, но всё равно не сравнить. Чтоб лапша варилась в мясном бульоне... такого у нас не бывает.

Цинь Хэ только улыбнулся, потом взглянул на Куй У: у того лицо было мягкое, он ел с аппетитом и смотрел на него удивительно тёплыми глазами.

— Нравится - ешь побольше. Сегодня же праздник, нужно наесться до отвала.

Слова адресовались младшей сестре, но взгляд Цинь Хэ был обращён к Куй У. Его муж раньше, конечно, не голодал, но и наедаться досыта себе не позволял. Куй У посмотрел на него долгим, глубоким взглядом. Цинь Хэ опустил голову к чашке с лапшой, но лицо у него чуть порозовело.

Поев, он немного отдохнул и снова поднялся - теперь не готовить, а делать сладости.

— Далан, это я приготовил - называется сачима. Дай сестре попробовать пару кусочков, а остальное убери, пусть лежит. Когда проголодаешься - перекусишь. В праздники голодным оставаться нельзя.

Куй У сам сунул кусочек сладости своему супругу, и от этого у него в груди стало тепло-тепло. Не зря все говорят, что иметь фулана - это хорошо: что бы ни делал, всегда есть тот, кто о тебе думает.

После этого Цинь Хэ ещё разделал свинину, приготовил ароматные свежие колбаски, а также сделал вяленые. Свежие долго не хранятся, их нужно есть сразу. А вот вяленые можно повесить на стену и сушить, их хватит надолго. Если он вдруг будет слишком занят и не сможет готовить, Куй У просто снимет одну, быстро обжарит и всё равно получится вкусно.

К полудню Цинь Хэ на остатках бульона из баранины и потрохов сварил суп с водорослями и тофу, сделал жареную курицу, тушёные креветки, остро обжаренные моллюски, приготовил на пару крабов, а ещё настряпал несколько корзинок маньтоу и баоцзы.

Только к вечеру они втроем - Цинь Хэ, Куй У и младшая сестра - отправились к матери Куй. Перед уходом Цинь Хэ ещё раз напомнил:

— Далан, возьми с собой немного сачимы и колбасок. Нам ведь ночью предстоит не спать, я боюсь, ты проголодаешься, а там ночью есть особо нечего. А так сами принесём, проголодаемся - достанем и поедим.

— Понял, — Куй У улыбнулся так тепло, что даже сердце согрелось.

— Мама! Мама! Старший брат с невесткой пришли! — только сестра Куй переступила порог, так сразу и заголосила.

Услышав голос младшей дочери, мать Куй поспешно отложила лепку пельменей и радостно выбежала встречать гостей. Вторая невестка вытянула шею, пытаясь разглядеть, кто пришёл, но толстая оконная бумага ничего не пропускала. Она недовольно скривила губы.

— Только сейчас пришли? Мы тут почти все пельмени долепили. Пришли и сразу за стол, ни одного дела делать не надо. Хитрющие... — пробормотала она себе под нос. Сказала она тихо, но кто бы этого не услышал.

Третья невестка промолчала, на лице ни тени реакции, будто вовсе не слышала. Она только стряхнула муку с ладоней и сказала:

— Пойду встречу старшего брата и невестку.

— Чего их встречать-то? Свои же, не гости! — буркнула вторая невестка.

Но третья даже ухом не повела и сама вышла навстречу.

Вторая же тоже спешно поднялась, на ходу бурча:

— Только и умеет, что подлизываться!

А увидев, что третья невестка уже скрылась за дверью, поспешно взвизгнула:

— Эй! Подожди меня! Не ходи одна!

Вторая невестка насилу добежала до ворот и услышала, как свекровь, то ли радуясь, то ли ворча, говорит:

— Ну что вы, вернулись - и хорошо. Зачем же столько еды тащить?!

Вторая невестка подняла голову, увидела и остолбенела. Она долго стояла с открытым ртом, пока наконец не выдавила:

— Откуда... столько пельменей? Тут штук сто, не меньше?!

Цинь Хэ улыбнулся:

— Да, сто штук. Начинка - баранина с редькой. Попробуешь позже, вторая невестка.

Затем он передал свекрови две коробки для еды:

— Это я дома приготовил несколько блюд. Всё ещё тёплое.

Свекровь открыла коробки - внутри лежали жареная баранина, тушёный кролик, рулька в соусе, мясо с маринованной зеленью, жареные фрикадельки, тушёный карп, рыба с тофу.

Все эти блюда Цинь Хэ приготовил заранее и принёс с собой. Он отлично знал: мать Куй - простая деревенская женщина, готовит просто, без особых приправ; даже если дать ей хорошие продукты, вкус выйдет обычный. В обычный день ладно, но это был первый Новый год, который Цинь Хэ встречал в этом мире, в этом спокойном времени, рядом с Куй У. Он не собирался делать это «как-нибудь» и не хотел, чтобы этот праздник прошёл вскользь.

Но всё-таки он новый человек в семье - нельзя же в первый же Новый год, придя в дом Куй, распоряжаться на кухне, будто хозяин. Это было бы неправильно. Куда лучше приготовить всё дома и принести готовым - и никого не обидишь, и расположение заслужишь.

И точно, не только мать Куй, даже оба сына со своими жёнами, да и дети, увидев все эти блюда, сразу развеселились.

В этот момент вошёл Куй У.

— Мама, куда это всё поставить? — спросил он.

И тут все наконец заметили, что Куй У всё это время стоял тихо за порогом. За плечом у него были мешки с рисом и мукой, в руках - связанные куры с гусями, а ещё два немалых куска мяса.

— Ай-ай, да чего же вы такие! Зачем столько всего тащить? — бормотала вторая невестка, хоть глаза у неё прямо прилипли к сумкам и тушкам, будто вот-вот выпадут.

В доме её никто не слушал, гостей усадили, накрыли стол: сварили пельмени, поставили две большие доски вместо столов и начали подавать еду.

После хлопучек и ужина наступило время шоусуя - ночного бдения в канун Нового года. Вся

большая семья сидела вокруг тусклой масляной лампы и болтали - так предстояло провести всю ночь.

Как раз в этот момент Цинь Хэ достал из-за пазухи красные конверты с новогодними деньгами. Куй У сказал:

— Племянники, идите-идите, ваши старшие дядя и тетя раздают ясуйцянь!

Детвора мгновенно защебетала и гурьбой подбежала, каждый по очереди поклонился и поздоровался. Цинь Хэ каждому вручал по красному конверту. Даже сестра Куй получила свой.

Мать Куй укоризненно сказала:

— Ты уже взрослая, куда тебе навязываться за ясуйцянь, как тебе не стыдно?

Цинь Хэ улыбнулся:

— Пока не выдали замуж всё равно считается ребёнком. Да и в эти дни она нам так помогала... Если бы не сестра, мы с даланом вовсе бы не справились. Так что конверт ей положен.

Вторую невестку едва не прорвало - она уже открыла рот сказать, что и ее Эрлан с радостью помог бы, но слова так и не вышли: мать Куй словно ненароком толкнула её локтем, сбивая с мысли.

— Спасибо, невестка! — сестра Куй сияла. За работу она и так получала деньги, но никак не ожидала, что Цинь Хэ ещё и отдельный красный конверт ей вручит. Радости ее не было конца.

Когда она раскрыла конверт, глаза и вовсе загорелись: внутри оказалось тридцать вэней. У племянников же было всего по одному. Остальные, конечно, заметили, но никто ничего не сказал - все понимали, что это Цинь Хэ специально выделил Сяохуа за помощь.

Раздав подарки, Куй У успел незаметно увлечь Цинь Хэ в тёмный угол комнаты, где их фигуры терялись в полумраке. Там он мог тихонько держать своего фулана за руку хоть весь канун Нового года, и никто бы не заметил.

— Чего это вы домой-то уже идёте? — едва наступило утро после ночного бдения, и мать Куй лишь недавно уложила старшего сына и невестку спать. Теперь, видя, что Цинь Хэ с Куй У уже собираются домой, она заметно забеспокоилась.

Цинь Хэ улыбнулся и успокоил ее:

— Поместье фуиня каждый день заказывают у нас молочные таблетки. Они присылают свежее молоко к нам домой, мне нужно возвращаться, чтобы готовить их сразу же.

Мать Куй тут же спросила:

— А у нас приготовить нельзя?

— Я ж формы с собой не взял, — Цинь Хэ нашёл первое подходящее объяснение. На самом деле он совсем не хотел готовить молочные таблетки здесь. Делать их просто: увидит человек один раз и сможет повторить. Но если не знать заранее технологию, то глядя только на готовый продукт и понимая лишь то, что он из молока, сам рецепт угадать сложно.

Если бы он сварил молочные таблетки в доме Куй, братья Куй и их жёны мгновенно бы переняли способ. А дальше что? Они начнут делать и продавать сами? А ведь Цинь Хэ с Куй У сами рассчитывают на этот доход. В Юнци такие сладости никто не продаёт; когда рынок распахнётся - прибыли там будет море.

Когда младшая сестра Куй помогала у них дома, она всегда сознательно избегала кухни и каждый раз предварительно спрашивала, можно ли войти. Цинь Хэ никогда её не поправлял.

Куй У сказал матери:

— Мама, мы вернёмся, приготовим молочные таблетки, немного поспим, а вечером опять придём.

— Ну... ладно, — только и смогла ответить мать Куй.

Вернувшись домой и закончив молочные таблетки, Цинь Хэ и Куй У легли спать, чтобы восстановиться. Когда они проснулись снова, уже стемнело. Умывшись, они поспешили обратно к матери Куй. После ужина мать настояла, чтобы они остались ночевать. Цинь Хэ подумал, что дел всё равно никаких, а дома придётся снова растапливать очаг и час ждать, пока в комнате станет тепло, и согласился.

Вот только Куй У был явно недоволен. Ночью, обняв своего супруга, он чувствовал, будто сам превращается в пылающий костёр.

— Фулан, завтра вечером мы не остаёмся здесь ночевать, — буркнул он.

Цинь Хэ уютно устроился в его руках, весь тёплый, расслабленный, особенно когда тёрся ступнями о горячие ноги Куй У, было совсем не холодно. Зевая, словно ленивый кот, он

спросил:

— Почему?

Куй У склонился, прижимаясь лицом к его гладкой, тёплой коже:

— Тёплый и благоухающий нефрит в моих объятиях... а я должен вести себя как Лю Сяохуэй*. Фулан, я сейчас будто весь горю в огне.

(ПП: описывает объятия женщины, передавая мягкость её тела и аромат её кожи. Это выражение восходит к роману «Западный флигель» Ван Шифу эпохи Юань. **Лю Сяохуэй - образец добродетели, древнекитайский деятель, известный своей непоколебимой честностью и способностью сохранять спокойствие даже с женщиной на коленях.)

Цинь Хэ остолбенел:

— Далан, я впервые слышу, чтобы ты говорил настолько изысканно.

Куй У только сильнее прижал его к себе:

— Теперь-то я понял, как эти учёные умудряются сочинять такие сладкие до зубной боли стихи. Оказывается, они просто сдерживают себя!

Цинь Хэ уткнулся лицом в его грудь и тихо рассмеялся.

На третий день праздников в дом Куй вернулась старшая дочь вместе со своим мужем. Они принесли с собой в подарок цзинь баранины. В прошлые годы это считалось очень щедрым подношением, но теперь, после того, как Цинь Хэ и Куй У задали планку, такое количество мяса уже мало кого впечатлило.

Муж старшей дочери, Ли Циншань, тоже был из крестьянской семьи. Жили они неплохо. Когда он встречался с девушкой и выбирал невесту, то, увидев старшую дочь Куй и влюбился в неё с первого взгляда. И свадебный выкуп он дал щедрый.

Когда Цинь Хэ и Куй У вернулись из своего дома, старшая сестра Куй и её муж Ли Циншань уже были у матери Куй. Вся семья сидела вместе и разговаривала.

Увидев их, Цинь Хэ первым поздоровался:

— Старшая сестра, зять.

Куй У тоже позвал:

— Старшая сестра.

Старшая дочь Куй тут же улыбнулась, а Ли Циншань поднялся и сказал:

— Вы пришли из дома?

Он также позвал двух своих детей поприветствовать Цинь Хэ и Куй У.

Цинь Хэ улыбнулся:

— Мы вчера ночевали здесь. Утром пришли гости, мы ненадолго вернулись домой и снова пришли.

Так как с собой он не взял красных конвертов, то прямо на месте попросил у матери Куй два, вложил в каждый по одному вэню и дал детям как новогодние подарки.

Ли Циншань знал, что младший брат его жены - умелый, способный человек, занимается торговыми поездками, и решил, что гости были именно с той стороны.

Но Куй Сяохуа не удержалась и громко вставила:

— Это были люди из поместья фуиня, которые пришли покупать товар!

И, переполненная гордостью, продолжила:

— Дела у брата и невестки идут так хорошо! Не только во внешнем городе продажа идёт нарасхват, но и во внутреннем городе то же самое! Перед праздником такое творилось - хочешь купить, так ещё и в очередь становись!

Старшая сестра Куй с недоумением спросила:

— Разве раньше младший брат не продавал товар только в определённые лавки? Теперь ещё и частным покупателям продаёт?

— Нет, нет! — младшая сестра Куй яростно замотала головой. - Невестка сказал, что ездить в торговые поездки опасно, и давно уже не разрешает старшему брату это делать. Теперь старший брат продаёт конфеты и молочные таблетки.

Конфеты не редкость, и Ли Циншань, конечно, знал о таком. А вот о молочных таблетках он никогда не слышал, решил, что это какая-то заимствованная у кочевников сладость. Подумал, что обычное лакомство, и не придал значения.

Младшая сестра Куй, увидев безразличное выражение лица старшего зятя, так расстроилась, что топнула ногой, развернулась и стремглав убежала в дом. Через мгновение она выбежала обратно, прижимая к груди фарфоровую вазу, в которую было воткнуто девять сахарных роз, подаренных ей Цинь Хэ.

— Смотрите! Вот это - сахарные розы! Девять штук стоит один лян серебра! — фыркнула она. — Приходящие покупать даже номера берут. Да они за место в очереди побить друг друга готовы!

Старшая сестра Куй сразу же уставилась на сахарные розы на столе - они были слишком красивыми и тонкими. Каждая прожилка на лепестке была видна, словно вырезанная ножом, цветок будто распускался прямо на глазах, и от него тянулся едва уловимый сладкий аромат.

— Сахарные розы?! — Ли Циншань вскрикнул, не скрывая удивления.

Младшая сестра Куй горделиво вскинула подбородок:

— Зять, ты знаешь?

— Слышал. — Ли Циншань кивнул. — Муж моей второй сестры - сюцай. Его однокурсник из обеспеченной семьи покупал сахарные розы, чтобы дарить учителю в частной школе.

Он повернулся к Куй У и добавил:

— Вот уж не думал, что этим делом занимается ваш дом, старший брат.

Куй У лишь невозмутимо кивнул. Он всегда был таким: холодный, скупой на слова. Но с тех пор, как женился на Цинь Хэ, в нём всё чаще проглядывала мягкость под влиянием спокойного, доброжелательного супруга. Однако к посторонним он был по-прежнему немногословен и сдержан.

Ли Циншань, впрочем, не смутился. Он принялся болтать с Куй У так оживлённо, словно они давно приятели, не замечая холодности собеседника. А Куй У, как ни странно, всё же терпеливо отвечал, всё-таки перед ним муж старшей сестры.

После ужина покинув дом семьи Куй, Ли Циншань уже не мог сдерживать возбуждения - едва вернувшись домой, он сразу рассказал отцу и матери, что Куй У умеет делать сахарные розы.

У отца и матери Ли тут же в глазах заблестели деловые искорки.

— Эрлан, ты найди время расспросить своего старшего шурина, — сказал отец Ли. — Не о том, чтобы он нас научил ремеслу, нет. А можно ли брать у них товар и выносить продавать самим.

Ли-саньлан горячо поддержал брата:

— Верно! Пусть даже они дадут нам по цене на три-пять вэней дешевле, мы с братьями пройдемся по дворам, всё равно прибыль будет. Кроме земледелия появится ещё один доход.

На словах они поручили расспросить Ли-эрлану, но все понимали - решать будет старшая дочь семьи Куй. И когда она услышала обсуждение, то подумала, что дело не чрезмерное, и сказала:

— Через несколько дней схожу к младшему брату сама, расспрошу.

*Сачима

<http://bllate.org/book/13598/1205842>